

Олег ДОЗМОРОВ

Вначале спорили, шумели,
потом порядком прифигели,
потом боялись до усрачки,
потом немного отошли,
потерли вопли и заплачки,
и в мрачных пропастях земли
ему – ничем не помогли.

Но даже в бытовых проблемах,
в краю чужом или внутри,
в моральных язвах и дилеммах
грызём надежды сухари,
и ощущаем холодок,
и ненавидим поводок,
тирану так желаем смерти,
что позавидуют и черти.

Но тут нам выложили «Рипли»,
и мы залипли.

Все эти толстяки,
все эти старики
когда-то были юноши,
не знавшие тоски.

Теперь зовут врача,
в стаканчике моча,
на сахар сдали кровь,
ну вот и вся любовь.

Готовься что-то сдать,
готовься все просрать.

Олег Дозморов родился в 1974 году в Свердловске. Окончил филологический факультет и аспирантуру Уральского государственного университета и факультет журналистики МГУ. Публиковался в журналах «Урал», «Звезда», «Арион», «Воздух», «Знамя», «Новая Юность», «Новый мир» и др., альманахах «Urbi», «Алконост» и др. Лауреат «Русской премии» (2012), спецприз премии «Московский счёт» (2012, за книгу «Смотреть на бегемота»). Живет и работает в Лондоне. Предыдущая публикация в «Волге» – 2023, № 11-12.

Не знавшие тоски,
стиравшие носки.

Под сериал чувак-чудак
не то чтобы задумал бяку,
но сопереживал маньяку
и чувствовал, что он – маньяк.

А то ещё рабочий тест:
поговорю с утра с соседом
и осознаю за обедом,
что перенял и слог, и жест.

Не оттого ли чудаку
приспичило марасть папирус,
что подцепил у старших вирус
и с нифига решил: могу?

Грязно-розовое, маленькое,
исчезающее где-то там,
на оладушек похожее
или нет, скорей на валенок,

в блеске ультрафиолетовом.

Что о нем сказать мне? То же ведь,
как о жизни, в целом, нечего,
а оно летит, хорошее,
на исходе, в общем, вечера,

ну, такого, типа, летнего.

Луч почил на легком облаке
на закате чистом. Опаньки,
взгляд отвел – уже и нет его.

Хочется теперь воспеть его.

(Все отслеживалось с третьего.)

То, что первая волна
принесла с собой,

все похерено уже
третьею волной.

А теперь она идет,
пятая волна,
а четвертая моя –
пена и вода.

Я вам точно говорю:
ничего беречь,
остается пошипеть
и на берег лечь.

Не получится увлечь,
равно как разжечь,
разве только вот извлечь
тишину и речь.

Что грусть воздушная напела,
то с легкостью потом сошло
на нет по логике напева,
и стало, в общем, хорошо.

То было раньше, а сегодня
певцу нужней всего покой
и дополнительная сотня.
Закрой гештальт, пошли домой.

Я все отдам за булку к чаю,
за многослойный бутерброд,
и карту – хоп – прикладываю,
строкой не оскверняя рот.

Пусть небожителю, за хлебом
идущему, покажется,
что он сюда направлен небом,
пусть возгордится слегонца.

Довольно долго говорит по сотовому,
потом мультяшный оставляет след
на воздухе и на вопрос кого-то: «Ну,
все хорошо?» зло отвечает: «Нет».

Бросает в сумку бабки, глок, три паспорта,
ужасный свитер (кто б такой надел?).
О, трогательный завиток блокбастера.
Куда он сдернул? Я не досмотрел.

Праймер осени, август на стреме
череды новостей и утрат,
изумительно скверно все, кроме
лиропамяти, нейроцитат.

Как за редкой и радостной книгой,
я гонялся тогда за тобой,
упоен самодельной интригой,
битый час караулил, герой.

Ждал, высматривал серое с красным,
красный зонт, в серый рубчик пальто,
был трамвай чрезвычайно опасным,
все вообще умножалось на сто.

Отражалась смешная досада
в гастрономе, в огромном окне.
Стоп! В окрестностях детского сада
ты бродил? Да, и где только не.

И суворовское обошёл я,
и рыдал, пока дождь-букинист
имитировал шорох и шопот
и советовал, падая вниз.

Может быть, отпросилась с работы,
но маршрутом каким? Не криви
лживый рот, ты найдешь ее, что ты.
Хочешь славы? Пиши о любви.

Говорил, что звезды летят туда,
утверждал, что пути их горят огнём,
ведь Вселенная расширяется, лабуда
утвержденья обратные. Ну, пойдём?

Типа лектор общества «Знание», как глухарь
заливается или тетерев на току, –

романтический озвучивался букварь,
чепуха мололась, смальваясь в муку.

О, небес ночных и вечерних знать,
о, медвежья шкура, о, с молоком песок,
той звезде позарез было нужно знать,
и она светила лучом в висок.

И не то чтоб глупо совсем молчал,
и не то чтоб земля не плыла под ногой,
ничего о главном не рассказал.
Леденели звезды над головой.

Кино

Мы дико ржали. Дима выпивал.
Роман был трезв, но точно не под этим.
Борис печальным взглядом провожал
четыре облака и выглядел поэтом,

а может быть, единственный им был
в том старом смысле, что нас всех пронзают.
И, образом таким, плесканье крыл
и все такое увлекло зазнаек.

Среди надгробий екатеринбургских фирм
была и «Мрамор», лейтенант ландшафта.
«Когда-нибудь про это снимут фильм», –
не помню, кто сказал, но это правда.

давай-ка сходим в магазин
чего-нибудь на ужин купим
ну ладно я схожу один
уж этот подвиг мне доступен

идёт носитель языка
через дорогу вправо влево
походочка его легка
на темечке сияет небо

речь прямиком ведёт в тюрьму
ну а молчание кроваво
давай-ка напиши муму
отменяют крепостное право

жизнь пролетела как во сне
а все же ограничен доступ
на главный сервер нет не то чтоб
нашел ищущего где только не

вопросы мучили его
пока ответы не явились
куда очки запропалились
в чем смысл вот этого всего

Мотылёк летит на телефон,
потому что светится в ночи,
и стихотворение, как сон,
вот уже закончено почти.

Будет мотылёк его читать?
Я могу у мотылька спросить,
но его прибило танцевать,
по экрану с буквами скользить.

Мотылёк живёт не больше дня,
мы живём немного дольше, но
в принципе такая же фигня.
Надо перед сном закрыть окно.